

*Хотите быть счастливыми,
чаще общайтесь с Природой.*

К. Зиганшин

Не было у нас ни задачи, ни даже легкого намерения писать рецензию на книгу замечательного русского писателя-натуралиста Камиля Зиганшина «Возвращение росомахи». Тем более что книги-то мы еще и в руках не держали. Далековато находится курский край от бескрайних степей и заснеженной тайги Башкортостана, и не дошла до нас книга о росомахах, заставившая удивиться даже уважаемого Николая Николаевича Дроздова, чей голос в программе «В мире животных» с детства волновал нас неповторимой интонацией неподкупного восторга природой, сопровождаемой удивительной мелодией Ариэля Рамиреса в исполнении оркестра Поля Мориа. Мы ждали, когда на фоне розового заката начнут исполнять свой танец грациозные журавли.

Однако и нам посчастливилось быть сопричастными к той радости, какою одарил соотечественников писатель из далекой Уфы.

В середине нынешней, снежной в курских краях зимы на писательском сайте* попалась нам эта теплая, делающая наши взъерошенные души кроткими, не то чтобы маленькая, но и не слишком длинная, повесть. Будучи с детства неравнодушными к диким зверушкам, которых в наших тихих краях не так уж и много, не могли не восхититься мы и повестью Камиля Зиганшина о мыслящих росомахах.

Известный путешественник, председатель Башкирского отделения Русского географического общества, председатель Фонда защиты диких животных Республики Башкортостан, писатель Камиль Зиганшин знаком курскому читателю по нескольким своим книгам о дикой природе, об Уссурийской тайге и ее обитателях, которых после прочтения книг Зиганшина с любовью и уверенностью называешь своими «меньшими братьями».

У некоторых из «братьев» не грех поучиться человеколюбию и добру, а более всего преданности и любви. И хоть может показаться чрезмерным такое глубокое уважение к бессловесным Божиим тварям, не разумеющим Творца, да что поделать, если в иные минуты жизни, оглянувшись вокруг, вдруг подумаешь с горечью, что, пожалуй, настало уже время человеку вспомнить о предназначении своем на земле.

* «Российский писатель». См.: <http://www.rospisatel.ru/ziganshin-ros.htm>

Совсем недавно один из великих христианских подвижников, преподобный Силуан Афонский, напомнил нам об этом в признании, которое тоже может показаться преувеличением: «Один раз без нужды я убил муху... трое суток я плакал за свою жестокость к твари». Но кто читал его исполненный трогательной поэзии «Адамов плач»*, не усомнится в правде этих слов. Потому что святые даже мух и комаров почитают за присутствие Божие на земле, не дерзая поднимать на них руку. И это не пантеизм, а признание воли Творца и Его вездесущности.

«Дух Божий учит душу любить все живое так, что и зеленеющего листа на дереве она не хочет повредить, и цветка полевого не хочет потоптать...» — признается Силуан Афонский.

Поэтому нам несколько не удивительны те мыслительные способности, которыми наделяет своих четвероногих героев Камилль Зиганшин. Их способность чувствовать привязанность к человеку, быть преданными ему, их умение дружить и любить, их готовность пожертвовать собой ради спасения человека — все это присутствие Духа Божия в Своей твари, как четвероногой, так и двуногой.

И «двуногие», осознающие это, несколько не смущаются таким «равноправием». Потому что было дано человеку вначале это право — быть царствующим и покровительствующим, нарекать имена и изъявлять повеления, но он утратил его.

Потому и плачет Адам у преподобного Силуана, вспоминая утраченный рай и смиренную преданность льва и тигра. Потому и святые подвижники спят на голом полу вместе с собаками, и на укору по-своему благочестивых людей со смирением отвечают, что они «хуже собак» и большего недостойны. Такова была старица Евфросиния, урожденная княгиня Вяземская**. Таковы были сотни других святых. А тем, кто не понимает причины такого рода смирения, свт. Василий Великий напоминает, обращаясь напрямую к Адаму: «Ты обладаешь всяким родом диких зверей. Но скажи, нет ли диких зверей во мне? ... Не принимай это за обиду. Не есть ли гнев маленький свирепый зверь, который лает в твоём сердце? Не более ли он дик, чем любая собака? И разве обман, пресмыкающийся в вероломной душе, не более жесток, чем пещерный медведь?.. Какого рода диких зверей нет в нас?.. Ты был сотворен, чтобы обладать; ты владыка страстей, владыка диких зверей, владыка змей, владыка птиц... Будь владыкой помышлений внутри себя, чтобы стать владыкой всех существ»***.

Если эти цитаты кажутся чрезмерными для отзыва о книге писателя-натуралиста, поясним причину их появления здесь. Да, книгу о животных может по достоинству оценить лишь тот, кто этих животных знает так же, как самого себя. Потому уважаемый Николай Николаевич Дроздов смело сказал свое решительное «да!» мыслительным способностям диких «братьев»: «К сожалению, в обществе бытует упрощенное представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, что она присуща только человеку! Но, если приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не все в их поведении объясняется инстинктами. Они... мыслят! Прimitивней, упрощенней, чем люди, но мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь иных сообществ организована до того гармонично и целесообразно, что впрямую и людям поучиться»****.

* Иеромонах Софроний (Сахаров). *Преподобный Силуан Афонский. Житие, учение и писания.* — Мн., 2003. — С.422–427.

** *Жизнеописание блаженной старицы Евфросинии.* — М., «Русский Хронограф», 2001. — С. 10–15.

*** *Цит. по: Серафим (Роуз), иером. Православное понимание книги Бытия.* М., 1998. — С. 81–82.

**** *О Камилле Зиганшине и его прозе.* См.: <http://www.rospisatel.ru/ziganshin-ros.htm>

Причем Н. Н. Дроздов имеет в виду не только внешнюю организованность, но и внутреннюю, духовную. Такой вывод напрашивается из его слов о писателе: «Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаясь донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь ее часть и, если честно, не лучшая»*.

После приведенных выше слов святителя Василия Великого о беспочвенной гордыне нынешнего Адама (то есть всего человечества) нам легко согласиться с мнением, что мы, увы, — не лучшая часть сотворенной Богом природы.

Да, у некоторых читателей возникло сомнение относительно правдоподобия изложенных в повести Камиля Зиганшина событий. Дескать, не могут животные обладать таким высоким интеллектом. А попутно возникли и претензии к жанру произведения: то ли это научно-популярная книга о рососомах, то ли художественный текст.

Признаемся, нам не столь интересна жанровая идентичность текста, содержание которого вызывает у нас глубочайший душевный отклик и даже нравственный катарсис. Есть огромное количество произведений, находящихся на стыке жанров и при этом обладающих неодолимой силой художественного воздействия и, разумеется, мощным пластом познавательно-воспитательного содержания.

«Возвращение рососомах», безусловно, художественный текст. Обилие информации научного свойства ничуть не затмевает тот самый «блестящий» художественный слог, который иным читателям показался даже довлеющим над «сюжетом» и «динамизмом»**.

То есть художник все-таки преобладает над натуралистом в Камиле Зиганшине? А недостаточность «сюжета» и «динамизма» у писателя, может, все-таки объясняется молодостью читателя, впитавшего в себя нервическую прерывистость современной культуры клипа и жанра экшен?

Ну не может такой читатель пребывать долго в состоянии внутреннего раздумья и душевной сосредоточенности, ему нужен динамичный сюжет, чтобы поверхностным взглядом отследить смену внешних событий, без попытки их осмысления.

А спокойная по слогу и характеру развития действия повесть Камиля Зиганшина не балует нас ни линейным сюжетом, легко отслеживаемым, ни обилием захватывающих воображение событий. Она тихо питает душу, неприметно трогает сердце, и мы потихоньку начинаем чувствовать, как дрожат, звенят в нас некие струны, откликаясь на тонко звучащую мелодию естественной, сокровенной жизни тайги. Только с вторжением в нее человека начинается и сюжетная динамика, слом естественного течения жизни (естественного даже в том, что звери кормятся другими животными) и воцаряются бессмысленность и хаос, когда смерть уже не мотивирована законом природы. А потому сцена с жуткой смертью человека на коленях, тело которого клюют хищные птицы, вызывает у нас некое притупление чувств, ибо не природа виновна в этом ужасе, а сам человек.

«Возвращение рососомах» мы с подсказки самого автора назвали повестью о таежном Робин Гуде. Нет ли тут противоречия? Автор пишет о том, что рососома мстит людям за убийство животных. Где же тут рыцарство? Да, она избирательна в своем отношении к человеку: кому-то мстит за причиненное зло, кого-то спасает от неминуемой гибели, помня оказанное ей добро. При этом, мстя, она не убивает, а только причиняет вред имуществу, уничтожает провизию.

* Там же.

** Читательская конференция по повести К. Зиганшина «Возвращение рососомах» в БГПУ им. М. Акмуллы. См.: <http://lib.bspu.ru/node/507>

Согласитесь, невелика плата жестокого человека за бессмысленное, ради наживы и охотничьего азарта, уничтожение всего живого в кормящей его тайге. Хотя, справедливости ради, надо признать, что таежный человек и не убивает бессмысленно, а только для пропитания. Это сказано о приезжих, городских: «Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство».

Итак, главная героиня повести — таежная росомаха.

Да, главных персонажей двое — росомашка Пышка (в первой части произведения) и ее детеныш, сын, почти след в след повторяющий жизненный путь мамы (вторая часть). Но главный герой произведения в целом — росомаха, и никто больше. Два этих животных (мать и сын) воплощают в себе две ипостаси робингудовского рыцарства — наказание злых (Пышка) и защита добрых (Топ). На долю Топа выпадает гораздо больше жизненных испытаний, расстройств, откровений и разочарований. Зато Пышка с первых же строк поражает нас в самое сердце своим неподражаемым обаянием и «женственной» красотой.

Не зря же имя у нее... То ли просто созвучно, то ли намеренно заимствовано автором, но неизбежно возникает у нас ассоциация с толстенькой миловидной героиней новеллы Мопассана «Пышка». Там тоже все закручено вокруг провизии, которой Пышка щедро делится с ближними, а они платят ей неблагодарностью и злом. Правда, Пышка Мопассана была женщиной легкого поведения, а у Зиганшина росомашка весьма рассудительна, осторожна и даже, может быть, скромна. Но главным ее женским оружием все-таки служит пушистый хвост, подобно тому как у французской *дамы полусвета* — густые ресницы и блеск черных глаз.

Построенная на парадоксе новелла Мопассана может подсказать нам и суть нравственного конфликта повести Зиганшина. У французского писателя парадокс состоит в том, что добропорядочные господа оказались весьма непорядочны по сравнению с падшей женщиной. А таежный парадокс в том, что кормящая малыш-детенышей росомаха оказывается нам симпатичнее, чем добывающиеся ее пушистой шкуры люди. Вспомните, хотелось ли вам осудить легкомысленную Пышку, едущую в одном дилижансе с господами, после ее иницируемого теми же господами нравственного «падения»? Ведь она оказалась патриотичней, чем знатные граждане, отказав немецкому офицеру, врагу ее государства. А те уговорили ее отдаться. За что и осудили потом, получив свою шкурную выгоду. Так относятся люди и к Пышке-росомахе, сначала причиняя ей вред и желая убить ее, а потом осуждая ее за мнимую агрессивность, немислимую хищность и прочие страшные повадки...

Все эти параллели можно было бы счесть нелепостью и ненужной заумью, если б не было у нас оснований для них. Но писатель не мог не знать, какую ассоциативную связь в культурном пространстве задает именем своей четвероногой пушистой героини. Плюс к тому и другая историко-культурная параллель, отчетливо обозначенная автором в эпиграфе к повести, — известные по книге В. К. Арсеньева слова уссурийского охотника Дерсу Узала: «Звери тоже люди, только говорят на своем языке и ходят на четырех ногах!»

Так что сопоставление образа животного с образом человека абсолютно естественно, и не только для художественной литературы.

Поэтому можно думать, что очаровательная хвостатая Пышка Камиля Зиганшина отныне занимает свое достойное место в галерее литературных женских персонажей наряду с патриотически настроенной Пышкой французского новеллиста. Тем более что образ этого зверя присутствует в литературе многих народов. Вот как разъясняет нам автор смысл его наименования устами других героев повести:

— Нам на лекции говорили, что росомаха страшно прожорлива. С латыни ее название так и переводится — обжора!

— Ну, как сказать, — замялся Степан. — На мой взгляд, это утверждение ошибочно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть за раз больше четырех килограммов. Так про росомаху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи сразу растаскивает по схронам. Кстати, названий у нее много. У норвежцев — «горный кот», у финнов — «обитатель скал», у шведов — «отважная». Вот и решай — кто же она на самом деле.

Надо сказать, пушистая росомашка Пышка удачно сочетала в себе все перечисленные качества: и отменный аппетит, и запасливость, и ловкие кошачьи повадки, и отвагу, и даже самоотверженность.

Вот некоторые черты ее портрета:

...Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышином зимнем наряде она казалась массивной, а более длинные задние ноги делали ее фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

...Когда охотник, перевалив отрог, съезжал к берегу, он увидел у палящей промоины силуэт, похожий на черную каплю. Пригляделся. Старая знакомая — росомаха! Ермил узнал ее по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Промысловик ухмыльнулся в бороду: «Ну, голубушка, не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!» Подав крутившейся сзади Динке знак «лежать!», снял с плеча ружье.

...Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в полынью. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

...Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла перевернуть дух. Прислушалась. Погони нет. Можно попытаться избавиться от перебитого у основания хвоста: при движении он обжигал острой болью. Свернувшись калачиком, росомаха в несколько приемов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она поднялась, пушистый хвост — ее гордость и краса — остался лежать на снегу. Зверю было странно и непривычно видеть его отдельно от себя. Вылизав шершавым языком рану, Пышка долго чистила испачканную кровью шерсть и умывала морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таежных дебрях. Росомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки перебивать хвост...

...Промяв в снежной перине удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пышным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что его нет...

Пожалуй, достаточно цитат, чтобы получить представление и о характере зверя, и о повадках ее обидчика. мех росомахи для промысловиков привлекателен тем, что шапка из него или воротник не покрываются инеем на морозе. Что ж, может, это и веская причина для убийства, только кажется нам, что если бы этот зверобой умирал с голоду, замерзая в тайге, росомаха сама принесла бы ему пойманного себе на ужин рябчика. Так, по крайней мере, начинает казаться нам после прочтения повести в целом.

А пока мы снова испытываем потрясение, узнав об удивительном благородстве Пышки, помнящей свой материнский инстинкт и уважающей его в других...

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таежную чащу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копытца косули и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал ее, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю, пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна — за ней бежал тонконогий олененок. У росомахи дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля настороженно покосилась на хищницу и, самоотверженно загораживая собой детеныша, прошмыгнула мимо...

В одном из отзывов на повесть прозвучало мнение, что некоторые поступки героев недостаточно мотивированы. Возможно, другие фрагменты (с участием людей) и подтверждают это наблюдение, но в данном случае мотивация поведения Пышки более чем отчетлива, она просто вопиюща. Умиливший росомаху олененок никак не мог послужить для нее обедом, как и его мать-косуля, потому что сама она совсем недавно была матерью и трагически потеряла своих малышей. Об этом рассказывает автор в самом начале повести, и это один из самых пронзительных ее эпизодов. Пышка вышла на охоту, оставив детенышей в логове. Она увлеклась следом рыси, надеясь поживиться ее добычей, если у той охота уже увенчалась успехом.

За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, но тут сзади донесся непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с лысого гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, снежный вал. Достигнув леса, он легко, словно спички, срезал у комля деревья.

«Малыши!!!»

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже успел завалить долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится ее нора. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детенышей.

...Кутру о камни и сучья, впрессованные в снег, были сломаны несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но, кроме измочаленного зайца и еще двух куропаток, она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило ее бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела спрессованный, покрытый остинами вырытых ям снежный покров. Где-то под его толщей ее малыши! Повлажневшие глаза росомахи наполнились тоской: она понимала — их уже не спасти. Тем не менее, надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полудзасытанные скалы. Ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

После этой трагедии судьба Пышки нам становится небезразлична. Мы сочувствуем зверю и благодарим автора, что нашел такие теплые краски и такие мягкие, лирические интонации.

У Пышки снова была семья, был супруг по прозвищу Клык и маленькие щенята, которых она блаженно кормила своим горячим материнским молоком. Но счастье было недолгим...

Первая часть повести завершается смертью Пышки. Угодив в металлическую ловушку, она хоть и добралась до своего логова с голодными росомашатами и отдала им свое последнее молоко, но сама не выжила. Уже будучи мертвой, она еще некоторое время служила своим детенышам согревающим укрытием.

По воле автора один из сыновей Пышки стал главным героем второй части повести и во многом повторил трудную судьбу своей матери.

А кто же из них получил это доблестное прозвище — таежный Робин Гуд?

Еще в первой части мы становимся свидетелями разговора о росомaxe, называемой одним из собеседников необычным и редким зверем, на что другой откликается:

— А по мне, лучше б его не было. Зловредная, шkodливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, — вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

— Эх, Макарыч! всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз очень даже необходимая животина. Ведь ее главное предназначение — очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к охотникам: мстит за убийства других обитателей тайги. Ты прикинь, сколько зверья мы каждый год добываем!.. По мне, росомаха — борец за справедливость. Так сказать, таежный Робин Гуд.

Вот таким Робин Гудом и стал во второй части сын Пышки — Топ, спасающий от верной гибели человека, некогда спасшего его самого.

Эта взаимопомощь зверя и человека — самый важный мотив повести, ради утверждения которого она, надо полагать, и написана. А потому перед нами не научно-популярные сцены из жизни диких зверей, а яркое художественное полотно, исполненное писателем, обладающим не только мастерством писателя-натуралиста, но и нежной, любящей душой. И эту любовь автор трепетно доносит до сознания читателя, чтобы пробудить, исцелить его совесть и мягко, без всяких нравоучений напомнить о том счастье, которое может испытывать человек на земле, будучи частью творения Божьего.

Конечно, честно надо признать, что мысли эти рождены не человеческими персонажами повести, а именно образом Пышки и ее выжившего детеныша. Как и в маленьком повествовании «Маха, или История жизни кунички»*, где поведение человека сразу вызывает неприязнь, потому что бедную зверушку выкуривают из дупла огнем и дымом, здесь тоже много эпизодов, заставляющих нас делать выбор между пониманием нужды человека, кормящегося охотой, и состраданием к беззащитному перед огнестрельным оружием зверю. Увы, наша симпатия чаще всего не на стороне человека. Одно дело — нужда пропитания, другое — роскошный воротник или шапка, ради которых убивают редкую росомаху. И тут дело даже не в защите животных... Видимо, не понять нам, жителям средней полосы, кормящимся капустой и картошкой, этой охотничьей «целесообразности». Хотя помним и мы те повелевающие слова Господа, обращенные к проголодавшемуся

* <http://www.ros pisatel.ru/ziganshin-maha.htm>

апостолу: «Встань, Петр, заколи и яждь!» (Деян.10,3). Но как хочется обойтись без этого житейского и почти что неизбежного «заколи и яждь»*.

Впрочем, вегетарианство не заповедано христианам. Да и не покормишься ягодами в зимней тайге. Так что претензии к охотникам, конечно же, необоснованны.

А все-таки кажется, что душа милующая не сможет запросто убить даже зверя...

Да, к сожалению, человеческие персонажи повести «Возвращение росомахи» оказались мало нам интересны. Разве что Степан, которого и спас Робин Гуд-росомаха. Этот человек, судя по всему, несет в себе многие черты личного характера автора и его мировидения.

А если хочется ближе узнать «естественного» человека тайги, надо читать охотничью повесть Камиля Зиганшина «Щедрый Буге»**. В отличие от повествований о куничке и росомахе, где людям отведено второстепенное место, «Щедрый Буге» как раз напротив — всецело о них.

Кстати, стоит отметить некоторую сюжетную преемственность между повестью о кунице и росомахе. Звери разные, а сюжетная схема — одна. Написанная почти тридцать лет назад (1988) «Маха, или История жизни кунички» после прочтения повести о росомахах, конечно, заметно проигрывает последней и в богатстве языка, и в стремительной легкости слога, и в многообразии натуралистических наблюдений, и в тонкости психологических мотивировок поведения животных.

Потому и вернулся, видимо, автор к «истории жизни» росомахи, и даже в двух поколениях, что рассказ о куничке только наметил тот событийно-тематический ряд, что оказался блестяще воплощен и щедро художественно «орнаментирован» в последней повести писателя: материнство животного-самки, кормление щенков, трагическая гибель матери, выживание и дальнейшая судьба подросшего детеныша. Однако идейное различие кажется нам существенным: куничка Маха уходит подальше от людей, Топ, сын росомахи Пышки, возвращается к людям и помогает им. Надо полагать, это некий концептуальный выбор автора — ответ на ставшую злободневной проблему сохранения человеком всего творения, и животного мира в первую очередь***. Как сохранить? Кажется, есть ненавязчивый ответ в повести...

Замерзающий в тайге Степан вспоминает о Боге. А на помощь приходит росомаха! Может, это и означает необходимость бережного доверия человека Творцу и сотворенной для него же Природе?

Назидательность в повести все-таки присутствует, и «нажим» ее чувствуется как раз в тех ситуациях, когда беседуют или активно действуют люди. И это как раз и делает их чуть-чуть менее интересными, чем животные, действующие импульсивно, естественно, стихийно, красиво...

И эта естественная их красота более всего трогает и исцеляет наше сердце!

* Слова взяты только в прямом значении, как стилистическая фигура, вне канонического богословского их толкования.

** <http://www.rospisatel.ru/ziganshin-buge.htm>; журнал «Дальний Восток», №№ 4, 5, 2010 год.

*** См.: Постановление Священного Синода от 13 июля 2015 года о сохранении творения Божия (журнал № 41) — <http://www.patriarchia.ru/db/text/4158823.html>